

ВЕЧЕР

К. Г. Паустовский в «Золотой розе» пишет: «Мы часто путаем два понятия — закат солнца и вечернюю зарю. Вечерняя зоря начинается, когда солнце уже зайдет за край земли. Тогда она овладевает меркнущим небом, разливает по нему множество красок — от червонного золота до бирюзы — и медленно переходит в поздние сумерки и в ночь». В народных говорах есть немало выражений, фиксирующих с большой точностью последние мгновения уходящего дня. «Вот иду, иду потихоньку... — передает А. А. Черкасов в „Записках охотника Восточной Сибири“ речь сибиряка, — а уж солнышко *підзакать*. Уж чего, почитай, лесины на две от сопки было, не выше». Заметим, что *лесины на две от сопки* — для местных жителей довольно точное указание времени. В той же книге приведены выражения: *зà солнце* — «Глухари прилетают... иногда еще „зà солнце“, то есть когда оно еще светит»; *«перед потўзом вечерней зарии*. На Псковщине о заходящем солнце говорят: *солнце зà лес*. «Сонце зà лес, сонце зà лес, Не поймал бы меня заяц...» (цитата из картотеки Псковского областного словаря в Ленинграде); «Смеркается. Сонца зà лес. А папажэй [позоже] — сў-

меречки» (из наших записей). Пока «солнце еще не зà лес», до тех пор продолжается день.

Термины, означающие сумеречную пору, в русских говорах чаще всего относятся не только к вечернему времени, но и к утреннему. Это объясняется сходством восприятий и ощущений переходной поры дня — полусвета, полумрака: *межесвёт, межесвётки, сўтиски, сўтисочки, сўтедь, зорные сумерки, сўмерек, сўморок, сўтеменьки, сўтемки; сўтўчки, сўтники*. Впрочем, вариант *сўтники*, приведенный в «Опыте областного великорусского словаря» (1852) как тульский диалектизм, В. И. Даль считает ошибочно прочитанным — вместо *сўтўчки*. Слово *сўтўчки* записано в Нижегородской, Ярославской и Казанской губерниях с некоторыми вариациями в оттенках значения. Так, в Ярославской губернии, по объяснению собирателя, *сўтўчки* — это начало вечера, а в Казанской — глубокий вечер. В одной из записей встречается даже попытка объяснить происхождение этого названия: «Сутўчки — сумерки, когда становится темно, так что друг на друга натыкаются» (1853. Архив АН СССР).

В литературном языке прошлого века была в обороте калька с французского выражения *entre chien et*

loup» (между собакой и волком).
Вспомним в «Евгении Онегине»:

Вечерняя находит мгла ...
(Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.)

В «Былом и думах» Герцена, в главе «Доктор Мюллер», читаем: «*между волком и собакой* забежал он ко мне, выпивал галон пива, ел что попало, и когда *волк* брал верх над *собакой*, Мюллер уж сидел в райке какого-нибудь театра, заливаясь громким гутуральным хохотом и потом, струившимся со всего лица его».

Время, «когда потухает заря», на Колыме именуется *потух заре*. «Приехали само на *потух заре*. На *потух заре* заметали *тоню*» (В. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901).

За сумерками следуют *потёмки*, *потёмки*, *потемьки*, *потёмьши* — глубокие сумерки, темнота, наступающая с приближением ночи. Это значение известно и литературному языку, где слово *потёмки* чаще употребляется в более общем смысле: вообще темнота, отсутствие света. Но оба значения тесно переплетены, например: «Потемки, ночи темные, Карачуна проводите. Тогда зима изломится, Медведь переверотится» (А. Н. Островский. Снегурочка).

Некоторые «вечерние термины» отражают особенности крестьянского быта. С наступлением темноты сельский житель был в помещении. По нижегородским записям, наступление темноты известно под именем *огонь в избу*, на Северной Двине — *огни берут* или *лучину (лучёну) берут*: «Приехали домой — огни уж берут (время, когда начинают зажигаться вечерние огни)». Собратель

поясняет: «так как в некоторых древнях все еще преобладает освещение лучиной» (1928). Как неизмеримо далека от нас даже эта эпоха! *Сидень-вечер* — «вечер после сумерек, при свечах» (Челябинская губерния, 1914). Для Нижегородской губернии эта идиома толкуется так: «Время часа через два-три после того, как вечером зажгут огонь в избе, то есть посидят уже». Вариант *сидень вечера* был распространен во Владимирской губернии: «Он уже сидень вечера приехал, то есть как уже насиделись довольно вечером» (Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1858). Беседовать без огня — значит «толковать в потемьках» (псковское, тверское; 1852). В Олонецкой и Архангельской губерниях *потемьками* назывались «сумерки и темнота в избе; в которой нет еще огня». Если в эту пору еще предстоит делать что-либо вне дома, употребляют литературное *на ночь глядя*.

Лягомо «время, когда ложатся спать» — старинный термин, известный по летописям и представленный диалектными данными в разных вариантах. Так, в I Псковской летописи говорится: «6974 (1465) года октября 19, был в Пскове большой пожар, а загорелось в лягоми, и в ту ночь да до обеда выгоре весь град...». В Ипатьевской летописи: «весь день идоша, оли [даже] до ночи... и бысть в лягомо, и приде весть»; «бысть *вельми вечер*, нача (Владимир Галицкий) изнемогати, и яко же бы влягомо преставися». В русских говорах: «на *лягомо*, на *лягоме* — перед самым сном, перед тем, как ложиться спать. Я это уж налягомо сделал»; «Пора и на *лягома* нам» (вологдское); «На *лягому* не нужно пить чай» (на Ветлуге); «Вчера мы

гуляли до самого лягома» (ярославское); *на лягом* 'на сон грядущий' (нижегородское, 1860); *лягомо* 'отход ко сну': «Утром по десять капель велел принимать да на лягомо тоже по десять» (костромское). На этой же территории употребительна форма *лягово*.

Местные слова, обозначающие периоды времени, часто содержат характеристику действия, обозначая одновременно и место совершения этого действия. Так, *лягома* может означать не только 'время для

сна», но и 'постель': «Лягома-то уж больно плоха» (на Ветлуге).

В Саратовской области время, когда ложатся спать, называется *полёг*: «Разговор был до самого полёга. Только и знает, что нить с утра до полёга».

На этом мы остановимся. Названия, относящиеся ко времени после *лягома* или *полёга*, будем рассматривать уже как «ночные термины», хотя отделить вечер от ночи и нелегко.

Н. В. ПОПОВА

Какого цвета лазоревый цветок

При словах *лазурь*, *лазурный* в нашем представлении возникают голубые дали морей, разливы рек и озер, заросли незабудок. Так мы воспринимаем один из самых поэтических оттенков голубого цвета, читая с детства знакомые строки:

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.

В. Жуковский

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой.

М. Лермонтов

В лазури темной, к полуночи
Летят станицей журавли.

А. Майков

В народной речи, в песнях, сказках встречается прилагательное *лазоревый*:

Посадили соловья
Что на травоньку, на муравоньку,
На светы-то на лазоревы.

